

УДК 39;271.2(=511:143)

А.В. Беспкойный

**Православная религиозность манси Северного Урала
в этнографических и миссионерских источниках
второй половины XIX – начала XX вв.**

Аннотация. Статья рассматривает дореволюционные этнографические описания манси Северного Урала и публикации о миссионерской деятельности Русской православной церкви в Верхотурском уезде Пермской губернии. Обзор этнографических источников, наиболее известных и интересных, с точки зрения автора статьи, содержит краткий анализ религиозных традиций североуральских манси, сформировавшихся под влиянием христианства. Публикации миссионеров позволяют расширить представления об упомянутых религиозных традициях и раскрыть содержание последних в конкретном историческом контексте. Общая цель анализа источников – установить состояние православной религиозности манси во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: манси, православная религиозность, религиозный синкретизм, православное миссионерство.

A.V. Bepokojnyj

**Orthodox religiosity of Mansi living in the Northern Urals in the
ethnographic and missionary sources of the second half
of the XIX – beginning of the XX centuries**

Abstract. The article considers the pre-revolutionary ethnographic descriptions of Mansi living in the Northern Urals and publications concerning missionary activity of the Russian Orthodox Church in Verhoturye district of the Perm province. A review of the most famous and interesting ethnographic sources from the author's point of view contains a brief analysis of the religious traditions of Northern Urals Mansi formed under the influence of Christianity. Missionaries' publications expand understanding of the mentioned religious traditions and disclose its content in a particular historical context. The overall goal of analysis of the sources is to determine the condition of the Orthodox religiosity of Mansi in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries.

Keywords: mansi, Orthodox religiosity, religious syncretism, Orthodox mission.

В Пермской епархии крещение большей части народа манси (старый этноним – вогулы) происходило до середины XVIII в. [1]. На этом этап активной миссионерской деятельности был завершен. Во второй трети XIX в. возобновляется миссионерство Русской православной церкви в отношении нерусских народов Российской империи. Причинами являлись либо неудовлетворительная, с точки зрения синодальных верхов, православная религиозность крещеных «инородцев», либо желание приобрести новых адептов христианства среди

приверженцев традиционных верований или последователей других мировых религий. В нашем случае интерес представляет состояние православной религиозности крещеных манси Северного Урала, вызывавшее нарекания со стороны миссионеров.

В последней трети XIX – начале XX вв. кочевавшие к северу от с. Никито-Ивдельского Верхотурского уезда Пермской губернии манси стали объектом пристального внимания Православного миссионерского общества [2, 474-487]. Миссионерские круги Пермской и выделившейся

из нее в 1885 г. Екатеринбургской епархий постоянно писали о «неудовлетворительном религиозно-нравственном состоянии» кочевых манси верховьев р. Лозьвы. Последних в литературе этого периода определяли как «лозьвинские вогулы». Поэтому и мы будем называть данных манси лозьвинскими, избегая именовать их ивдельскими, т.к. образование таковой территориальной группы манси происходит в советский период, уже после установления списка «Малых народов Севера» и проведения переписи 1926 г.

Во второй половине XIX в. в результате миграционных процессов на р. Лозьве жили манси, различавшиеся своими хозяйственными занятиями и степенью оседлости [3]. Объектом исследования нашей статьи являются несколько семей манси (Бахтияровы, Елесины, Укладовы, Каслаповы, Фаддеевы и др.), ведущих кочевой образ жизни вследствие традиционных способов жизнеобеспечения: оленеводства и охоты. Именно в отношении них и была развернута основная деятельность православных миссионеров Пермской и Екатеринбургской епархий. Оседлые и полуоседлые манси, жившие в населенных пунктах по берегам р. Лозьвы южнее с. Никито-Ивдельского, не рассматриваются здесь в качестве объекта исследования.

Исследование проводится в рамках религиозной антропологии, в том смысле, как ее интерпретирует М.М. Кром [4, 124 и 160]. В рамках этого научного направления исторической реконструкции прошлого пристальное внимание уделяется, прежде всего, субъективным аспектам веры и народной религиозности. Для выяснения состояния православной религиозности лозьвинских манси мы рассмотрим, во-первых, этнографические описания второй половины XIX – начала XX вв., где содержатся сведения о христианизации «вогулов» Верхотурского уезда Пермской губернии. Во-вторых, проанализируем источники о миссионерской деятельности в Пермской и Екатеринбургской епархиях в отношении сведений о

православной религиозности манси. Здесь имеются в виду отчеты местных комитетов Православного миссионерского общества (далее – ПМО), а также публикации отдельных уральских миссионеров.

*Христианизация лозьвинских манси
в этнографических источниках*

Во второй половине XIX – начале XX вв. о неглубоком и непрочном усвоении христианства манси Северного Урала писали исследователи различных научных обществ. Так, например, член-сотрудник Русского географического общества иеромонах Макарий писал, что верхотурские манси «от слабого сознания и разумения христианских обязанностей» не соблюдали постов [5, 21]. Однако, судя по тому, что речь шла о «вогулах», в частности, проживавших в деревнях Першиной и Митяевой [5, 24], автор не ставил себе задачу описания жизни кочевых манси. Все, о чем он сообщил в своей статье о православной религиозности «вогулов», относится, скорее, к тем, кто оседло проживал в населенных пунктах «инородческой» Лозьвинской волости Верхотурского уезда. Поэтому мы полностью согласны с Н.К. Чупиным, писавшим, что в публикации Макария речь идет о «вогулах, уже совсем или наполовину обруселых» [6, 352].

Этнографические источники этого периода заполнены сообщениями об исполнении крещеными манси «языческих» обрядов. Точка зрения приверженности формально православных «вогулов» своим традиционным религиозным верованиям перешла и в иностранную литературу. Так, в статье о «вогулах», принадлежавших к урало-алтайским народам, издания Т. де Паули «Этнографическое описание народов России», манси р. Лозьвы, несмотря на то, что были христианами, остались последователями шаманизма [7, 21-22].

Отечественный исследователь, подполковник Генерального штаба Х. Мозель, описывая «верхотурских вогулов» р. Лозьвы, писал, что манси хоть и исповедовали христианскую религию, но едва ли много понимали в этом «совершенно чуждом»

для них учении [8, 574]. Впрочем, иначе и быть не могло, писал он, потому что «вогулы» жили в удалении от больших селений с церквями и, занимаясь своими традиционными хозяйственными занятиями, не имели возможности исполнять свои христианские обязанности, соблюдать посты [9, 338]. В целом этнографическое описание «вогул» Х. Мозелем также относится более к оседлым манси Верхотурского уезда.

В 1972 г. экспедицию на Северный Урал совершили Н.М. Малиев, Н.В. Сорокин и А.П. Орлов. Их целью было антропологическое и этнографическое исследование кочевых манси. Отображение религиозных верований «диких вогулов» в отчетах авторов было заимствовано ими из различных опубликованных ранее этнографических описаний. И, как заявлял Н. Сорокин, никаких обрядов (*ни традиционных ритуальных практик, ни православных обрядов – А.Б.*) им наблюдать не довелось [10, 48]. Что же касается исполнения лозьвинскими манси своих христианских обязанностей, то Н. Сорокин так описывал сложившуюся на тот момент ситуацию: «Время от времени, собравшись в Ивдель, они (*т.е. манси – А.Б.*) обязаны говеть, если есть некрещенные дети, то родители обязаны окрестить их, хотя бы ребенок был уже довольно велик. Кроме того... они венчаются в церкви, несмотря на то, что уже имеют много детей, и жили несколько лет невенчанные; но, если мы вспомним, что вогулы очень плохо понимают по-русски и совершенно не понимают по-славянски, – то и выходит, что стоя в церкви и слушая Богослужение, они только хлопают ушами и рассматривают с удивлением все, что ни совершается на их глазах. Мне рассказывали, что недавно венчалась одна пара, и ни жених, ни невеста буквально ничего не понимали даже по-русски» [10, 47]. Вследствие этого, писал далее Сорокин, «вогулы все втайне такие же идолопоклонники, как и до принятия христианства, хотя, надо заметить, они сердятся, если кто-нибудь из русских скажет, что они поклоняются до сих пор идолам».

Еще более категоричен был Н.М. Малиев. Манси, согласно его отчету, были чужды даже внешние формы христианства. «Сколько можно было узнать на месте, – писал Н. Малиев, – до сих пор Вогулы... преданы идолопоклонству» [11, 15]. Информантами, видимо, служили русские жители Северного Урала. Несмотря на личные контакты членов экспедиции с кочевыми манси, расспросить «вогулов» о сути исповедуемого ими «идолопоклонничества» исследователям не удалось.

Данная экспедиция «спровоцировала» интерес в научных кругах Урала к дальнейшему изучению способов жизнеобеспечения, материальной и духовной культуры манси. В частности, появились статьи Н.К. Чупина и А.А. Дмитриева, ориентированные на публикации финского ученого А. Алквиста. Последний был в начале 1859 г. проездом в Верхотурском уезде, однако нет никаких упоминаний о том, чтобы он видел местных манси [12, 55-60].

Изучая манси Пермской губернии и пытаясь описать кочевых «вогулов» верховьев р. Лозьвы, уральские исследователи заимствовали сведения из публикаций о манси, обитавших в Тобольской губернии. Не являясь профессиональными этнографами и будучи скорее учеными-энциклопедистами, обладавшими обширными знаниями по истории и культуре Урала, они написали ряд трудов, в которых встречаются интересные этнографические описания манси [13].

Уральскими исследователями предполагалось, что по своим трудовым занятиям, условиям быта и религии лозьвинские манси должны быть полностью идентичными своим «соплеменникам» в Западной Сибири. Согласно А. Алквисту [12, 39-40], манси как христиане описывались у Н.К. Чупина следующим образом: «...каждый Вогул крещен и записан христианским именем в метрической книге. Равным образом он венчается в церкви, крестит своих детей; умершие отпеваются священником, разумеется, в том

лишь случае, если тот находится вблизи, чего по отдаленности деревень между собою и от приходских церквей почти никогда не бывает¹. Если вогулу случится быть раз или дважды в год по каким-либо делам близ церкви, то он входит в нее, повергает свою охотничью добычу перед каким-либо образом и творит крестное знамение». Во всем остальном, заключал в статье Н.К. Чупин, внутренне «вогул» был предан вере своих отцов, и так как он не получал «ни малейшего поучения о христианстве, то неудивительно, что он на те силы, под покровительством которых жили его предки, и которым они приписывали счастье свое на охоте», возлагал больше доверия, чем «на новых богов», которые только требовали больших жертв и не делали его охоты более удачной [14, 132-133]. Потому ситуацию по состоянию православной религиозности манси Северного Урала можно выразить заключением А.А. Дмитриева: «Христианство у вогулов исповедуется более внешним образом» [15, 219].

В 1887 г. в «Известиях Императорского Географического общества» появилась статья исследователей геологии Северного Урала Е.С. Федорова и П.П. Иванова с этнографическим описанием кочевых «вогулов» севера Верхотурского уезда. Представив список мансийских юрт с фамилиями их владельцев по р. Лозьве и ее притокам, авторы статьи так изобразили православную религиозность манси: «Хотя они издавна числятся православными христианами, обязательно носят на груди медный крест (а местный священник при встрече с вогулом удостоверяется в соблюдении этого обычая), крестятся при входе в комнаты, а особенно при приеме каждой рюмки водки, даваемой им в угощение, но едва ли этим и ограничивается их православие» [16, 295-296]. Авторы статьи подтвердили приверженность кочевых манси своим традиционным религиозным верованиям: «...они, оставаясь христианами, продолжают

веровать в Шайтана, единственного их языческого бога, о котором нам приходилось слышать; но так как они избегают упоминать о своих языческих верованиях, то нам и не удалось получить от них ближайших сведений» [16, 296]. Исследователи заметили также и религиозный раскол среди манси: «...по-видимому, однако некоторые вогулы уже потеряли веру в языческих богов и относятся с презрением к верованиям соплеменников, но держат это в большом секрете».

Таким образом, Е.С. Федоров и П.П. Иванов также указывали на внешнюю православную религиозность лозьвинских манси. Несмотря на то, что часть манси отошла от религии предков, традиционные верования и ритуальные практики у них сохраняли довольно прочные позиции.

О религиозных взглядах семьи Степана Кирилловича Бахтиярова и семей троих его сыновей Якова, Еремея, Василия и племянника Василия рассказал в своей публикации И.Н. Глушков. Так называемые чердынские «вогулы» хоть периодически и кочевали в горах Западного Урала, однако имели постоянное жилище на севере Верхотурского уезда – Тошемские юрты на р. Тошемке, притоке верховьев р. Лозьвы. Исследователь утверждал, что христианство не могло привиться манси, которые исполняли «некоторые требуемые от них обряды», но оставались приверженцами своих исконных религиозных традиций. «Заветы отцов живы среди них и свято чтятся ими, чему немало способствуют их изолированность, сохранившийся родной язык и подчас невысокое развитие и плохое образование священников, назначаемых на окраины», – писал И.Н. Глушков [17, 66].

Согласно данному исследователю, характерной чертой мировоззрения крещеных манси стало двоеверие. Содержание синкретических верований «вогулов» сводилось к следующему: «Высшее их божество носит имя Тоорм – «Белый Бог», представление

¹ Если сравнить перевод Н.К. Чупина с переводом текста Н.В. Лукиной, получится, что в первом переводе смешивалась православная религиозность кочевых манси с таковой у оседлых, т.к. А. Алквист не писал о мансийских деревнях, речь шла просто о наличии священника поблизости к местам проживания манси.

о котором смешалось с представлением о христианском Боге. Тоорм или Тором в вогульском наречии означает также и небо, которое, по всей вероятности, и служило первоначально предметом поклонения этого народа. Представление о христианском Боге, высказанное мне Еремеем Бахтияровым, не идет далее того, что Тоорм на небе; у него три сына: Кростос, Микалай и Иля; ему хорошо молиться» [17, 66]. Далее И.Н. Глушков рассказал о ритуале моления Пубыху, заместителю Торума на земле, который, по расспросам Еремея Бахтиярова, выступал одновременно в лицах богов «Кырстоса» и «Микалая» [17, 66-67].

Среди этнографических исследований «вогулов» Пермской губернии можно отметить также статью уральского этнографа И.Г. Остроумова. Автор, опираясь на отчеты «инородческого» миссионера А. Позднякова, составил свой взгляд на православную религиозность лозьвинских «вогулов». В результате исследователь считал, что христианами манси «только числились, продолжая верить и молиться своим богам» [18, 177]. Интересно также мнение И.Г. Остроумова о численности кочующих манси на Северном Урале на начало XX в., которую он определял всего в два десятка человек [18, 165-166].

Труд И.Я. Кривошекова о Верхотурском уезде является одним из наиболее значительных дореволюционных исследований Урала с массой сведений этнографического характера. Здесь также были указаны названия и местоположение юрт кочевых «вогулов», фамилии их владельцев [19, 509-510]. Тем не менее, что касается информации о религиозных традициях лозьвинских манси, то авторитетом в области их православной религиозности стал для составителя «Словаря Верхотурского уезда» миссионер В.Г. Павловский с его исследованием под названием «Вогулы». Потому, описывая этих манси, И.Я. Кривошеков полностью полагался на мнение В.Г. Павловского, взгляды которого рассмотрены нами ниже.

Итак, этнографические источники второй половины XIX – начала XX вв. ука-

зывают на то, что христианизация манси Северного Урала носила поверхностный, в значительной степени формальный характер. Источники сообщают об исполнении крещеными манси «языческих» обрядов; православие же было усвоено манси только внешним образом. В то же время усилия исследователей не были направлены непосредственно на поиск внутренней православной религиозности манси. В источниках постоянно подчеркивалось, что кочевые манси находятся на стадии исчезновения или так называемого «угасания инородцев» [20, 145]. Потому исследователи, пока это было возможно, стремились успеть описать традиционные религиозные верования «вогулов» и внимания «чуждому» для манси христианству уделяли значительно меньше. Подлинный интерес исследователей вызвал, пожалуй, только синкретизм «языческих» и христианских религиозных традиций, который был зафиксирован ими в рассматриваемых нами этнографических источниках.

*Христианская религиозность манси
в миссионерских источниках*

После большого перерыва в активной миссионерской деятельности в Пермской епархии готовились к возобновлению «апостольского дела несения света христианского учения» среди нерусских народов Урала. В 1870 г. мнение о «плачевном религиозно-нравственном состоянии» североуральских манси выразил в «Пермских епархиальных ведомостях» Р. Попов. Он обрисовал «действительное усвоение истин христианской религии и устройство жизни на... животворных началах» православия среди манси севера Верхотурского уезда Пермской губернии [21, 497]. Согласно Р. Попову, некоторые из кочующих там манси, когда они находились вблизи селений, имевших церкви, заботились о крещении своих детей, а также являлись «иногда» и для венчания. Когда находилась возможность, в случае смертельной болезни, манси старались позаботиться о последнем напутствии священника, однако этот, почти единственный повод посещения священником

«инородческих селений», считал Р. Попов, представлялся крайне редко. Что касается исполнения других христианских обязанностей, например, исповеди, причащения, соблюдения постов, то большинство из «вогулов» не имело о них «даже и понятия» [22, 410-411]. Как исполнявшие по возможности христианские обязанности манси, так в особенности вовсе их не исполнявшие, почти все не оставляли своих традиционных религиозных верований и ритуальных практик. Такое «плохое усвоение истин христианской религии», по мнению Р. Попова, было обусловлено, главным образом, обширностью приходов, к которым принадлежали «пермские вогулы», неудобствами путей сообщения между селами с церквями и местами проживания манси, связанными с этим редкими посещениями их священниками и отсутствием специальных миссионеров. В целом статьи Р. Попова отражали взгляд миссионерских кругов Пермской епархии, собиравшихся в ближайшее время открыть свою деятельность на Северном Урале и искавших для нее повода и морального основания.

Возобновление миссионерства среди манси в Пермской епархии связано с деятельностью местного комитета ПМО. 23 ноября 1872 г. был открыт Пермский комитет ПМО [23, 287]. Комитетом была принята Программа действий, отметившая важность накопления статистических сведений о «вогулах» [24, 170]. С целью сбора сведений о манси Верхотурского и Чердынского уездов для священников, приходов, в которых они числились, был разработан специальный опросник [25]. О религиозной ситуации на севере Верхотурского уезда такую справку подготовил приходской священник с. Никито-Ивдельского Афанасий Маркович Поздняков [23, 289].

Согласно сообщению священника, впоследствии опубликованного в «Пермских епархиальных ведомостях», в язык «вогулов» Северного Урала прочно вошли слова, связанные с христианством: Бог – Торм, Сын Божий – Торм Пыл, Дух Святой – Торм Лили Емас, Божья Матерь – Торм Анкве,

Крест – Перно, церковь – торм-коль. И, тем не менее, А. Поздняков писал, что кочевавшие в его приходе манси, хотя и считались христианами, но больше только по названию; о христианской религии они имели «понятия очень смутные и неправильные» [26, 399]. Из христианских святых манси более всех почитали св. Георгия Победоносца и св. Николая Чудотворца. Им молились перед охотой, их благодарили в случае удачного промысла. Впрочем, и в этих молениях, считал священник, чувствовался «языческий» элемент: прося божьих угодников об удаче на охоте, за помощь им приносили в подарок серебряную монету, а в случае богатой добычи святым подносили мясо и вино, которые потом делились между участвующими в ритуале как святыня [26, 400]. Из христианских таинств совершался в церкви, например, брак, но и он предварялся «языческими» обычаями, описанными А. Поздняковым. После чего молодые могли жить вместе до трех лет, и уж если они в итоге сходились характерами, то тогда и шли венчаться в церковь, иногда имея уже несколько детей [26, 400-401].

После того, как священник А. Поздняков передал в Пермский комитет ПМО сведения о наличии рядом с его приходом кочевых манси, ему предложили взять на себя обязанности их христианского просвещения. По поручению Пермского комитета, А. Поздняков с 1873 г. объезжал мансийские юрты на севере Верхотурского уезда. При посещениях кочующих манси он совершал богослужения, исповедовал, приобщал, крестил детей, венчал, отпевал умерших, служил молебны и освящал юрты. Свои поездки он освещал в статьях в епархиальной прессе [27].

В ходе поездок выяснилось, что посещаемые священником манси были уже крещеными, а потому миссионерская деятельность А. Позднякова состояла не в обращении «вогулов» к православию, а в «утверждении в истинах св. веры и в правилах христианской жизни и в искоренении между ними языческих обычаев, суеверий и пороков», что производилось им путем

пастырских назиданий и убеждений при посещении «инородческих» юрт [28, 188]. Священник объяснял истины православной веры, главные молитвы, указывал на необходимость исполнения долга исповеди и причастия, посещения богослужений в воскресные и праздничные дни, христианского времяпровождения праздников.

За несколько лет миссионерской деятельности священнику А. Позднякову удалось приучить кочевых оленеводов и охотников севера Верхотурского уезда минимум к однократному за год посещению Никито-Ивдельской церкви. После открытия миссионерских действий со стороны Пермского комитета, по замечанию А. Позднякова, манси стали чаще появляться в великие праздники в с. Никито-Ивдельском и бывать в храме при богослужениях, которые им «весьма нравились» [28, 192]. Заметным было и увеличение числа христианских треб: крещений, погребений по христианскому обряду, венчаний и пр.

После образования Екатеринбургской епархии история православного миссионерства на Северном Урале связана уже с деятельностью Екатеринбургского комитета ПМО, который в 1887 г. решил возобновить дело утверждения христианства среди крещеных манси. К тому времени священник А. Поздняков уже пять лет как был переведен по службе в другой приход [29, 132]. После его отъезда миссионерская деятельность в Верхотурском уезде была приостановлена. Что касается манси-олeneводо-в, то ведя традиционный образ жизни, связанный с постоянными длительными перекочевками, они практически не испытывали никакого влияния со стороны православной церкви. Согласно сведениям Екатеринбургского комитета ПМО, они почти не исполняли свои христианские обязанности и «редко посещали Храм Божий», бывая у исповеди и причастия «только в случаях остановок в Никитоивделе при перекочевках по реке Ивделю», обычно на Петров пост [30, 279]. Комитет посчитал, что причина такого безразличного отношения манси к христианству была в отсутствии регулярного воздействия

на них, «в видах приучения к богослужению и укрепления в вере нравственности христианской», пастырских проповедей со стороны никитоивдельского священника [30, 280]. Регулярный объезд юрт манси приходским священником представлялся Екатеринбургскому комитету совершенно необходимым делом. После начала миссионерских поездок в мансийские юрты отчеты священников с. Никито-Ивдельского входили в ежегодную отчетную документацию Екатеринбургского комитета ПМО, печатавшуюся в епархиальных ведомостях [31].

Начиная с отчета комитета за 1898 г. данные источники содержат сведения о миссионерстве среди манси священно- и церковнослужителей походной Казанско-Богородицкой церкви, учрежденной в Екатеринбургской епархии для обслуживания религиозных нужд сезонных рабочих приисков и заводов Северного Урала. Причт обязали включить в круг своих обязанностей и «посещение вогульских юрт и селений... для совершения богослужения, исполнения треб и вообще для удовлетворения духовно-нравственных нужд и потребностей вогул» [32, 270]. Совершая поездки по северу Верхотурского уезда, походные священники фиксировали в своих отчетах текущее состояние православной религиозности манси.

«Екатеринбургские епархиальные ведомости» также печатали и статьи этнографического характера, однако опять же с уклоном к миссионерской деятельности. Здесь можно отметить публикацию делопроизводителя Екатеринбургского комитета ПМО, секретаря местной Духовной консистории С.Г. Павловского, описавшего хозяйственные занятия, материальную и духовную культуру манси Верхотурского уезда. Автор оценивал численность «лозьвинских вогулов» в пределах 200 человек [33, 158]. Кочующие манси, писал он, при остановках в с. Никито-Ивдельском ежегодно отбывали долг исповеди и причастия, крестили своих детей, однако, обряды отправляли «без сознания важности» преподаваемых в них таинств [33, 168]. Основные догмы христианского

вероучения кочевникам были не известны, молитв не знали и только крестное знамение совершали правильно. С. Павловский подтвердил, что особенным почитанием у манси пользовались Николай Чудотворец и Георгий Победоносец. К ним обращались «вогулы» в «своих предприятиях частных и даже общественных», но «считаясь православными и исполняя христианские обряды», они в то же время не оставляли традиционную веру. Таким образом, считал автор, кочевые манси Верхотурского уезда переживали период так называемого двоеверия [33, 167].

Наибольшим авторитетом по исследованию христианизации «лозьвинских» манси в рассматриваемый нами период стал не состоявшийся на Северном Урале миссионер В.Г. Павловский², заявивший очень низкую степень усвоения православия данными «вогулами». Наряду с манси, проживавшими по рекам Сосьве и Ляпину в Тобольской губернии, кочевые «вогулы» верховьев р. Лозьвы и ее притоков рек Тошемки и Вижая названы исследователем наименее сведущими в христианстве [34, 198]. Причем степень их христианизации и соответствующие ей познания в православной вере находились в прямой связи с обрусением всего народа манси. «До сих пор необрусевшие вогулы остались еще чуждыми для христианской религии и если еще посещают церковь, или имеют в своих лачугах иконы, то только ради того, чтобы избавиться от наказания и разных придинок со стороны духовных, – писал В. Павловский. – Что они могут вынести из непонятных для них слов славянского языка, когда они почти или совсем не могут говорить по-русски? Они видят в церкви вокруг себя блеск золота, серебра, молящихся, видят все священнодействие, но остаются чуждыми этому, только это для них интерес, развлечение. Видя священника в блестящих дорогих ризах, видя горящие свечи и дымку благоухающего фимиама, они всецело переносят это к своим пенатам» [34, 199]. Они не за-

были еще своих «языческих богов», считал автор монографического исследования о христианизации манси. Все мировоззрение «вогулов» Северного Урала, писал он, было «в значительной степени пропитано язычеством» [34, 198].

Тем не менее, христианство оказало влияние на трансформацию традиционных религиозно-мифологических представлений, что и было подробно описано В. Павловским [34, 199-201]. Образы христианских святых и практика их почитания включились в религиозные представления манси о силах, обладавших способностью влиять на их жизнь и судьбу. При этом многие христианские образы были восприняты как аналогичные божествам, представленным в традиционной мифологии манси. Богочеловек Иисус Христос ассоциировался с мансийским Мир Сусне Хумом – младшим сыном верховного божества Торума, добрым и милосердным, который на белом коне объезжал весь мир, помогал людям. Его мать – Сянь Торум – богиня-жизнеподательница, покровительница женщин, заступница, ассоциировалась в представлении крещеных манси с образом Богородицы. Николай Чудотворец, наиболее всех святых почитаемый и изображавшийся на иконах в виде почтенного старца, воспринимался манси аналогичным старшему сыну бога Торума – Полум Торуму или, чаще, просто «Полум-ойкой». Сложнее всего, пожалуй, было воспринять учение о триединой ипостаси, в результате в интерпретации манси Троица воспринималась как отдельное божество – «Троицы-ойка». Почитание местного святого Симеона Верхотурского также распространилось среди верхотурских манси. Считалось, что он оказывает помощь в случае болезней, ему молились, ставили свечи в церкви у икон с его изображением.

Кроме того, среди манси распространилось такое проявление православной религиозности, как вера в чудеса и явления.

² Бесполойный А.В. О миссионере В.Г. Павловском // Миссионерство архиепископов Екатеринбургской епархии среди манси Северного Урала (конец XIX – начало XX вв.). XI Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2013. С. 34-35.

Рассказы о чудесных явлениях Святого Николая или преподобного Симеона Верхотурского во сне и последующих исцелениях были очень распространены среди манси [34, 201-202].

Относительно внутренней части православной религиозности лозьвинских манси исследователем было сказано следующее. Согласно В. Павловскому, манси уже при миссионерстве священника А. Позднякова начали с большим вниманием относиться к христианству, которое они стали более понимать, чем ранее. При этом, В. Павловский, ссылаясь на мнение купца Шаньгина (*занимавшегося на Северном Урале организацией старательских работ по добыче золота – А.Б.*) и подкрепляя сказанное примерами из отчетов А. Позднякова, Пермскому комитету ПМО³ писал следующее: «В бытность священника Позднякова появились набожные старики между вогулами. Священники, служившие после Позднякова, пользовались трудами предшественника своего, как доходною статьею» [34, 156].

Такую точку зрения может подтвердить следующий пример. В марте 1910 г. походный священник Казанско-Богородицкой церкви Аркадий Гаряев в миссионерской поездке по Северному Уралу посетил юрту Николая Нерина, старика в возрасте якобы 110 лет, с его домочадцами. В отличие от членов его семьи, по утверждению миссионера, мало знавших «о Боге, Христе, Николае», Николай Нерин оказался «более или менее истинно» верующим [35, 600]. Имевший понятие о «ёмас патька Апанасий» (*хорошего батюшки Афанасия, служившего при церкви с. Никито-Ивдельского – А.Б.*), о христианском таинстве причащения, старик говел по наставлению священника А. Гаряева, и по свидетельству последнего, впоследствии добросовестно и с усердием исполнил взятые на себя христианские обязанности: исповедался и причастился [35, 600-601].

Подводя итоги обзора православных миссионерских источников, можно сказать

следующее. Во-первых, эти публикации расширили представления о так называемом «народном православии» манси, значительно подкрепив отчетами, статьями, книгами исследования этнографов по вопросу синкретизма религий. Будучи должными по своим обязанностям бороться как с «язычеством», так и с «двоеверием», миссионеры вынуждены были стараться вникнуть в содержание традиционных и синкретических религиозных верований лозьвинских манси, осмысливать значение их ритуальных практик. Во-вторых, начиная с последней трети XIX в. миссионерские источники стали фиксировать индивидуальные случаи проявления внутренней православной религиозности среди манси.

Заключение

Рассмотрение этнографических и миссионерских источников второй половины XIX – начала XX вв. показало, что религиозные воззрения манси Северного Урала состояли из взаимопроникновения традиционных и православных верований. Кочевые лозьвинские манси не видели препятствий для одновременного следования правилам религиозных традиций своих предков и новой православной веры. Источники указали, что христианство оказало существенное влияние на трансформацию традиционных религиозно-мифологических представлений манси, проявившуюся в почитании ими православных святых, среди которых особо выделялись святые Николай Чудотворец, Георгий Победоносец и Симеон Верхотурский. В то же время понимания смысла и догматов православия у манси не было, манси восприняли лишь внешнюю христианскую обрядность, что констатировали оба вида рассмотренных нами источников.

Однако, соглашаясь с источниками в том, что лозьвинские манси усвоили внешнюю сторону православной религиозности, отметим справедливое замечание К.Ф. Карьялайнена относительно миссионерской «воспитательной» работы Русской православ-

³ Наиболее характерный отчет, содержащий описание индивидуальных случаев проявления внутренней православной религиозности манси. – Поздняков А. Путешествие Никито-Ивдельского священника в юрты кочующих в Верхотурском уезде инородцев в начале 1877 г. // ПЕВ. – 1877. – № 45. – Отдел неофициальный. – С. 443-450.

ной церкви среди обских угров в целом: «...Даже, если церковное обучение, – замечал он, – ограничивалось, главным образом, внешними церемониями, такими, как наложение креста, поклоны и установление свечей, оно все-таки имело влияние; частично уже внешними обрядами оно давало ростки нового развития, нового направления в религиозных понятиях югров» [36, 22].

При соблюдении внешней формальной, обрядовой стороны православия, заключающей в себе посещение церкви, по мере возможности в силу условий кочевой жизни, а также видимом почитании священнослужителей и церковной организации в целом, источники сообщали, что у некоторых из лозьвинских манси наблюдался рост внутренней православной религиозности.

Литература

1. Макарий, архим. Распространение христианской веры в пределах Пермской епархии // Журнал Министерства Народного Просвещения. Часть ХСШ. Отд. II. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1857. С. 225-280.
2. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.
3. Орлов А.П. Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии // Сборник Пермского земства, издаваемый Пермскою земскою управою. 1873. Май-июнь. Пермь: Типография Поповой, 1873. С. 440-460.
4. Кром М.М. Историческая антропология. СПб., М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. 214 с.
5. Макарий, иеромонах. Заметка о Верхотурских Вогулах, живущих по реке Лозьве // Вестник Географического общества. Ч. 7. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. Кн. I. Смесь. С. 15-24.
6. Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь: Типография Поповой, 1873. 577 с.
7. Description ethnographique des Peuples de la Russie. Publie a l'occasion du jubile millenaire de l'Empire de Russie / Par T. de Pauly. Saint-Petersbourg, Imprimerie de F. Bellizard, 1862. 292 p.
8. Материалы географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Часть II. / Сост. Мозель Х. СПб.: Типография Ф. Персона, 1864. 746 с.
9. Материалы географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Часть I. / Сост. Мозель Х. СПб.: Типография Ф. Персона, 1864. 367 с., 60 с.
10. Сорокин Н. Отчет, представленный Отделу антропологии и этнографии при Казанском обществе естествоиспытателей / Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т. III. № 4. Казань: Лито- и типография К.А. Тилли, 1873. С. 1-59, с 29 рис. и 2 картами.
11. Малиев Н. Отчет о вогульской экспедиции / Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т. III. № 2. Казань: Лито- и типография К.А. Тилли, 1872. 27 с.
12. Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Перевод с немецкого и публикация д-ра наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том.ун-та, 1999. 179 с.
13. Г. Статистико-этнографический очерк губернии // Памятная книжка Пермской губернии. Пермь: Типография Губернской Земской Управы, 1880. С. 29-45.
14. Чупин Н.К. О местах жительства и образе жизни Вогул по Альквисту // Сборник Пермского Земства. – 1874. Январь-апрель. Пермь: Типография Поповой, 1874. С. 119-137.

15. Дмитриев А. Новое сочинение Алквиста о вогулах // Сборник Пермского Земства. – 1884. – № 11. – С. 217-219.
16. Федоров Е.С., Иванов П.П. Сведения о Северном Урале (с картой) // Известия ИРГО. Т. XXII. 1886. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1887. – С. 255-298.
17. Глушков И.Н. Чердынские вогулы. Этнографический очерк // Этнографическое обозрение. – 1900. – № 2. – С. 15-78.
18. Остроумов И.Г. Вогулы – Манси. Историко-этнографический очерк. С приложениями: 1) Словарь вогульских слов и 2) Список русской литературы о вогулах // Материалы по изучению Пермского края. Вып. 1. Пермь: Типография газ. «Пермский край», 1904. С. 155-202.
19. Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь: Электротипография губернского земства, 1910. 823 с.
20. Чупин Н.К. О результатах экспедиции, снаряженной Казанским Обществом Естествоиспытателей в 1872 г. для исследования Вогулов // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 1. Вып. 1. Екатеринбург: Типография А.И. Безбородова, 1873. С. 145-156.
21. Попов Р. Несколько слов о вогульском Лозьвинском приходе // Пермские епархиальные ведомости (далее – ПЕВ). – 1870. – № 42. – Отдел неофициальный. – С. 495-500.
22. Попов Р. Северо-восточное При-Уралье и его обитатели. Этнографический очерк // ПЕВ. – 1870. – № 34. – Отдел неофициальный. – С. 404-413.
23. Отчет о действиях Пермского комитета православного миссионерского общества за 1874 г. – второй год его существования // ПЕВ. – 1875. – № 29. – Отдел официальный. – С. 287-303.
24. Программа действий Пермского комитета миссионерского общества относительно инородцев // ПЕВ. – 1873. – № 13. – Отдел официальный. – С. 167-170.
25. Программа сведений о вогулах Чердынского и Верхотурского уездов // ПЕВ. – 1873. – № 13. – Отдел официальный. – С. 171-173.
26. [Поздняков А.] Сведения об инородцах, обитающих в пределах Пермской епархии (преимущественно в религиозном отношении) // ПЕВ. – 1874. – № 40. – Отдел неофициальный. – С. 395-398; № 41. – Отдел неофициальный. – С. 399-403.
27. Поздняков А. Путешествие священника к вогулам и осякам, обитающим в Верхотурском уезде // ПЕВ. – 1876. – № 40. – Отдел неофициальный. – С. 436-439.
28. Отчет о деятельности Пермского епархиального Комитета православного Миссионерского Общества за 1877 год // ПЕВ. – 1878. – № 14. – Отдел официальный. – С. 181-194.
29. Отчет Пермского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1882 год // ПЕВ. – 1883. – № 11. – Отдел официальный. – С. 119-132.
30. Отчет о деятельности Екатеринбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1892 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости (далее – ЕЕВ). – 1893. – № 12-13. – Официальный отдел. – С. 277-313.
31. Сильвестров А. Отчет никитоивдельского священника Александра Сильвестрова о поездках к вогулам, кочующим по рекам: Вижаю, Тошемке и Лозьве в течение 1893 года // ЕЕВ. – 1895. – № 13-14. – С. 358-382.
32. Отчет Екатеринбургского Епархиального Комитета ПМО за 1897 год // ЕЕВ. – 1898. – № 11. – Официальный отдел. – С. 259-275.
33. Павловский С. Вогулы Пермского края // ЕЕВ. – 1904. – № 9. – Отдел неофициальный. – С. 155-171.
34. Павловский В. Вогулы. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1907. 229 с., VIII.
35. Гаряев А.Н., священник. Миссионерская поездка священника походной церкви инородческого миссионера Аркадия Гаряева // ЕЕВ. – 1910. – № 29. – Отдел неофициальный. – С. 597-602.
36. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. I. / Перевод с немецкого и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 152 с.

References

1. Makarij, arhim. Rasprostraneniehristianskoj very v predelahPermskojeparhii // ZhurnalMinisterstvaNarodnogoProsveshhenija. Chast' XCIII.Otd. II. SPb.:TipografijaImperatorskojakademiin nauk, 1857. S. 225-280.
2. Efimov A.B. OcherkipoistoriimissionerstvaRusskojPravoslavnojCerkvi. M.: Izd-vo PSTGU, 2007. 688 s.
3. Orlov A.P. Svedenija o vogulah, obitajushhih v Permskojgubernii // SbornikPermskogozemstva, izdavaemyjPermskojuzemskojuupravuju. – 1873. Maj-ijun'. Perm': TipografijaPopovoj, 1873. S. 440-460.
4. Krom M.M. Istoricheskaja antropologija. SPb., M.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge; Kvadriga, 2010. 214 s.
5. Makarij, ieromonah. Zametka o VerhoturskihVogulah, zhivushhihporekeLoz've // Vestnik-Geograficheskogo obshhestva. Ch. 7. SPb.: V tipografii Jeduarda Praca, 1853. Kn. I. Smes'. S. 15-24.
6. Chupin N.K. Geograficheskij i statisticheskij slovar' Permskoj gubernii. Perm': Tipografija Popovoj, 1873. 577 s.
7. Description ethnographique des Peuples de la Russie. Publiea l'occasion du jubilemillenaire de l'Empire de Russie / Par T. de Pauly. Saint-Petersbourg, Imprimerie de F. Bellizard, 1862. 292 p.
8. Materialy geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Permskaja gubernija. Chast' II. / Sost. Mozel' H. SPb.: Tipografija F. Persona, 1864. 746 c.
9. Materialy geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Permskaja gubernija. Chast' I. / Sost.Mozel' H. SPb.: Tipografija F. Persona, 1864. 367 s., 60 s.
10. Sorokin N. Otchet, predstavlenyjOtdeluantropologii i jetnografii pri Kazanskom obshhestve estestvoispytatelej / Trudy Obshhestva estestvoispytatelej pri Imperatorskom Kazanskom universitete. T. III. № 4. – Kazan': Lito- i tipografija K.A. Tilli, 1873. S. 1-59, s 29 ris. i 2 kartami.
11. Maliev N. Otchet o vogul'skojjekspedicii / Trudy Obshhestva estestvoispytatelej pri Imperatorskom Kazanskom universitete. T. III. № 2. Kazan': Lito- i tipografija K.A. Tilli, 1872. 27 s.
12. Alkvist A. Sredihantov i mansi. Putevye zapisi i jetnograficheskie zametki. Perevod s nemeckogo i publikacija d-ranauk N.V. Lukinoj. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1999. – 179 s.
13. G. Statistiko-jetnograficheskij ocherk gubernii // Pamjatnaja knizhka Permskoj gubernii. Perm': Tipografija Gubernskoj Zemskoj Upravy, 1880. S. 29-45.
14. Chupin N.K. O mestahzhitel'stva i obrazez hizni Vogul po Al'kvistu // Sbornik Permskogo Zemstva. – 1874. Janvar'-aprel'. Perm': Tipografija Popovoj, 1874. S. 119-137.
15. Dmitriev A. Novoe sochinenie Alkvista o vogulah // Sbornik Permskogo Zemstva. – 1884. – № 11. – S. 217-219.
16. Fedorov E.S., Ivanov P.P. Svedenija o Severnom Urale (s kartoj) // Izvestija IRGO. T. XXII. 1886. SPb.:Tipografija A.S. Suvorina, 1887. – S. 255-298.
17. Glushkov I.N. Cherdynskie voguly. Jetnograficheskij ocherk // Jetnograficheskoe obozrenie. – 1900. – № 2. – S. 15-78.
18. Ostroumov I.G. Voguly – Mansi. Istoriko-jetnograficheskij ocherk. S prilozhenijami: 1) Slovar' vogul'skihslov i 2) Spisok russkoj literatury o vogulah // Materialy po izucheniju Permskogo kraja. Vyp. 1. Perm': Tipografija gaz. «Permskij kraj», 1904. S. 155-202.
19. KrivoshhekovI.Ja. Slovar' Verhoturskogo uezda Permskoj gubernii. – Perm': Jelektro-tipografija gubernskogo zemstva, 1910. – 823 s.
20. Chupin N.K. O rezul'tatah jekspedicii, snarjazhennoj Kazanskim Obshhestvom Estestvoispytatelej v 1872 g. dljaissledovanijaVogulov // Zapiski Ural'skogo obshhestva ljubitelej estestvoznaniija. T. 1. Vyp. 1. Ekaterinburg: Tipografija A.I. Bezborodova, 1873. S. 145-156.
21. Popov R. Neskol'koslov o vogul'skom Loz'vinskomprihode // Permskie eparhial'nye vedomosti (dalee – PEV). – 1870. – № 42. – Otdelneoficial'nyj. – S. 495-500.

22. Popov R. Severo-vostochnoe Pri-Ural'e i ego obitateli. Jetnograficheskiy ocherk // PEV. – 1870. – № 34. – Otdel neoficial'nyj. – S. 404-413.
23. Otchet o dejstvijah Permskogo komiteta pravoslavnogo missionerskogo obshhestva 1874 g. – vtoroj god ego sushhestvovanija // PEV. – 1875. – № 29. – Otdeloficial'nyj. – S. 287-303.
24. Programma dejstvij Permskogo komiteta missionerskogo obshhestva otnositel'no inorodcev // PEV. – 1873. – № 13. – Otdeloficial'nyj. – S. 167-170.
25. Programma svedenij o vogulah Cherdynskogo i Verhoturskogo uezdov // PEV. – 1873. – № 13. – Otdeloficial'nyj. – S. 171-173.
26. [Pozdnjakov A.] Svedeniyaobinorodcah, obitajushhih v predelahPermskojeparhii (preimushhestvenno v religioznomotnoshenii) // PEV. – 1874. – № 40. – Otdelneoficial'nyj. – S. 395-398; № 41. – Otdelneoficial'nyj. – S. 399-403.
27. Pozdnjakov A. Puteshestvie svjashhennika k vogulam i ostjakam, obitajushhim v Verhoturskom uezde // PEV. – 1876. – № 40. – Otdel neoficial'nyj. – S. 436-439.
28. Otchet o dejatel'nosti Permskogo eparhial'nogo Komiteta pravoslavnogo Missionerskogo Obshhestva 1877 god // PEV. – 1878. – № 14. – Otdel oficial'nyj. – S. 181-194.
29. Otchet Permskogo eparhial'nogo komiteta pravoslavnogo missionerskogo obshhestva za 1882 god // PEV. – 1883. – № 11. – Otdel oficial'nyj. – S. 119-132.
30. Otchet o dejatel'nosti Ekaterinburgskogo Eparhial'nogo Komiteta Pravoslavnogo Missionerskogo Obshhestva 1892 god // Ekaterinburgsk ieparhial'nye vedomosti (dalee – EEV). – 1893. – № 12-13. – Oficial'nyjotdel. – S. 277-313.
31. Sil'vestrov A. Otchet nikitoivdel'skogo svjashhennika Aleksandra Sil'vestrova o poezdках k vogulam, kochujushhim po rekam: Vizhaju, Toshemke i Loz've v techenie 1893 goda // EEV. – 1895. – № 13-14. – S. 358-382.
32. OtchetEkaterinburgskogoEparhial'nogoKomiteta PMO za 1897 god // EEV. – 1898. – № 11. – Oficial'nyjotdel. – S. 259-275.
33. Pavlovskij S. Voguly Permskogo kraja // EEV. – 1904. – № 9. – Otdel neoficial'nyj. – S. 155-171.
34. Pavlovskij V. Voguly. Kazan': Tipo-litografija Imperatorskogo Universiteta, 1907. – 229 s., VIII.
35. Garjaev A.N., svjashh. Missionerskaja poezdka svjashhennika pohodnoj cerkvi i norodcheskogo missionera Arkadija Garjaeva // EEV. – 1910. – № 29. – Otdelneoficial'nyj. – S. 597-602.
36. Kar'jalajnen K.F. Religija jugorskih narodov. T. I. / Perevod s nemeckogo i publikacija d-raist. nauk N.V. Lukinoj. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1994. 152 s.